

Личностные характеристики вновь осужденных к лишению свободы мужчин, связанные с временным интервалом между двумя судимостями

Цветкова Н.А.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0967-205X>, e-mail: tvetkovana@yandex.ru

Статья содержит результаты эмпирического исследования, проведенного на выборке осужденных мужчин, отбывающих наказание в местах лишения свободы по второй судимости (70 чел. с коротким временным интервалом между преступлениями и 70 чел. — с длительным). Цель исследования — установление межгрупповых различий в показателях их делинквентности, адаптивности и осмысленности жизни, а также в выявлении корреляций показателей этих личностных характеристик с показателями интервала. Задачи исследования: 1) психодиагностика с применением методик базы «Психометрик» — комбинированной методики оценки делинквентности; опросника «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина; теста «СЖО» Д.А. Леонтьева; 2) математико-статистическая обработка, сравнительный и корреляционный анализ данных; 3) выявление межгрупповых различий и проверка их достоверности. На основе полученных данных представлены характеристики обеих групп осужденных. Отмечены значимые межгрупповые различия в частных показателях трех исследуемых интегративных личностных характеристик. Показано, что короткий временной интервал между судимостями согласуется с показателями склонности к нарушению норм и правил, импульсивности в характере и морально-нравственной нормативности и никак не связан с осознанностью жизни, а длительный интервал коррелирует с показателями склонности ко лжи, волевой саморегуляции, коммуникативного потенциала и внешнего локуса контроля собственной жизни.

Ключевые слова: рецидивная преступность, временной интервал между судимостями, личность рецидивиста: делинквентность, адаптивность, осмысленность жизни; характеристики, связанные с интервалом.

Для цитаты: Цветкова Н.А. Личностные характеристики вновь осужденных к лишению свободы мужчин, связанные с временным интервалом между двумя судимостями [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 94–106. DOI:10.17759/psylaw.2024140308

Personal Characteristics of Men Newly Sentenced to Imprisonment Related to the Time Interval between Two Convictions

Nadezhda A. Tsvetkova

Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0967-205X>, e-mail: tsvetkovana@yandex.ru

The article presents the results of an empirical study conducted on a sample of convicted men serving sentences in places of deprivation of liberty with a second criminal record (70 individuals with a short time interval between crimes and 70 with a long one). The aim of the study is to identify intergroup differences in indicators of delinquency, adaptability, and meaningfulness of life, as well as to establish correlations between these personal characteristics and the time interval between convictions. The research objectives were: 1) to conduct psychodiagnostics using methods from the Psychometrics database, including a combined methodology for assessing delinquency, the Adaptability questionnaire by A.G. Maklakov and S.V. Chernyanin, and the SOHO Test by D.A. Leontiev; 2) to perform mathematical and statistical processing, including comparative and correlation analyses of the data; 3) to identify intergroup differences and verify their reliability. The characteristics of both groups of convicts are presented based on the data obtained. Significant intergroup differences were noted in specific indicators of the three studied integrative personality characteristics. The study shows that a short time interval between convictions is associated with a propensity to violate norms and rules, impulsivity in character, and lower moral normativity, while it is not related to the meaningfulness of life. In contrast, a long interval correlates with a propensity to lie, volitional self-regulation, communicative potential, and an external locus of control over one's own life.

Keywords: recidivism, time interval between convictions, personality of the recidivist, delinquency, adaptability, meaningfulness of life, characteristics associated with the interval.

For citation: Tsvetkova N.A. Personal Characteristics of Men Newly Sentenced to Imprisonment Related to the Time Interval between Two Convictions. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 94–106. DOI:10.17759/psylaw.2024140308 (In Russ.).

Введение

Личностные характеристики вновь осужденных к лишению свободы мужчин, связанные с временным интервалом между двумя судимостями, в качестве предмета исследования почти не встречаются в научной литературе. В то же время эта тема важна как для научного объяснения рецидивной преступности, так и для уточнения мишеней ее своевременной превенции, поскольку каждый ранее судимый человек, вновь совершивший преступление,кратно усложняет профилактическую работу. По оценкам состояния рецидивной преступности в России, ранее судимыми лицами ежегодно совершается более пятисот тысяч преступлений; при этом большая часть преступников совершают два и более преступных деяний (Ю.А. Поздняков, В.В. Пасынков, 2022) [11].

Современная юридическая психология способна объяснить причины и условия рецидивной преступности (Е.А. Антонян, 2014) [1]; (Ю.М. Антонян, В.Э. Эминов, 2019) [2]; (Н.А. Коломытцев, Л.Н. Одинцова, 2022) [5]; (Е.М. Разумова, 2007) [12]; Н.А. Цветкова, Е.А. Дурова, 2017 [15] и др. В ней выделены факторы, способствующие совершению первого преступления, — общие для рецидивистов и тех преступников, которые впервые привлечены к уголовной ответственности (Личность преступника..., под ред. Ю.М. Антоняна, 2020) [8]; (А.Н. Варыгин, 2023) [4], а также специфичные, характерные для преступников-рецидивистов, которые представляют собой совокупность социально-средовых и индивидуально-личностных предиктов, препятствующих ресоциализации лиц, отбывших наказание по первой судимости (Е.А. Антонян, 2014) [1]; (И.Н. Коноплева, С.О. Князева, М.Г. Дебольский, С.А. Красненкова, 2022) [6]; (С.В. Кулакова, Н.А. Цветкова, 2023) [7] и др.; предложены различные типологии преступников (Ю.М. Антонян, В.Э. Эминов, 2019) [2] и др.

В исследованиях отечественных ученых обращается внимание на тот факт, что у осужденных-рецидивистов более сложная структура криминогенной направленности личности (В.С. Мухина, 2015) [9] и др., деформированная система ценностей и смысложизненных ориентаций (Е.М. Разумова, 2007) [12]; (А.В. Сечко, 2020) [13], позволяющая им оправдывать агрессию, жестокость, насилие по отношению к другим людям; специфическая саморегуляция поведения и деятельности (И.Н. Коноплева, С.О. Князева, М.Г. Дебольский, С.А. Красненкова, 2022) [6], детерминирующая выбор ими преимущественно деструктивного способа решения жизненных проблем.

Анализ отечественных источников научной информации по проблеме изучения рецидивной преступности и личности преступников-рецидивистов за рубежом (А.В. Сечко, 2020) [13]; (А.А. Тит, 2022) [14] показал сходную тенденцию. Анализ отдельных публикаций зарубежных авторов подтверждает стойкий научный интерес к рецидивизму. Например, в самом конце прошлого века проблему ресоциализации бывших правонарушителей анализировал С. Uggen и пришел к выводу о том, что от преступления и его рецидива удерживает не наличие работы как таковой, а «хорошая работа» или «значимая работа» (С. Uggen, 1999) [19]. В XXI веке появился целый ряд интересных публикаций: статья М.А. Koschmann, В.Л. Peterson, предложивших коммуникационный подход к возвращению преступников в общество (Koschmann Matthew A., Peterson Brittany L., 2013) [16]; коллективная работа о постпенитенциарном стрессе и трудностях социальной адаптации после заключения, выполненная В. Western et al. (В. Western et al., 2015) [20]; публикация К. Workman, описавшего особый способ социальной интеграции после тюремного заключения, побудивший преступника к рассказанию и искуплению вины (К. Workman, 2016) [21]; результаты исследования, выполненного коллективом соавторов N. Sherretts et al., полученные путем сравнительного анализа данных группы убийц с данными группы рецидивистов и группы впервые отбывающих наказание в тюрьмах США, у которых изучались показатели психопатии и личностной идентичности (N. Sherretts et al., 2017) [18]; работа N. Link N., L. Hamilton, посвященная изучению связи между употреблением психоактивных веществ, преступностью и рецидивизмом (N. Link, L. Hamilton, 2017) [17] и др.

Большинство отечественных и зарубежных исследователей корень проблемы рецидивизма склонно видеть, скорее, в личности, выбирающей правовой или противоправный вариант поведения в конкретных обстоятельствах жизни (В.А. Номоконов, 2018) [10]; (Е.М. Разумова, 2007) [12]; (А.А. Тит, 2022) [14], чем во внешних по отношению к ней условиях. Е.А. Антонян пишет: «Преступник-рецидивист — это совершеннолетнее лицо, ...отличающееся по-

вышенной тревожностью, эмоциональной напряженностью, отчужденностью от общества и ощущающее это, психопатоподобными чертами характера, хорошей приспособляемостью к условиям жизни в местах лишения свободы и в целом к криминальной субкультуре» (Е.А. Антонян, 2014) [1].

Возникает вопрос: если личности отводится решающая роль в рецидиве преступления, то существуют ли такие индивидуально-психологические предикторы, которые отдаляют по времени совершение нового преступления и в конечном итоге делают его невозможным? Исчерпывающий ответ на него психологией пока не дан. Однако отметим коллективное исследование, выполненное семь лет назад (В.Г. Булыгина, А.В. Дубровинский, М.Ю. Белякова, Н.Е. Лысенко, 2016) [3], поскольку оно касается психологических предикторов интервала рецидивности.

Результаты анализа научных публикаций по проблеме личности преступника-рецидивиста свидетельствуют и о том, что чаще других характеристик у осужденных этой категории предметами исследования становились такие личностные конструкты, как делинквентность и адаптивность, а также мотивы, ценности и смыслы, однако связи их показателей с временным интервалом между двумя судимостями у вновь осужденных мужского пола пока не выявлялись, что делает данное исследование актуальным.

Цель эмпирического исследования заключалась в поиске ответов на вопросы: 1) различаются ли по показателям делинквентности, адаптивности и осмысленности жизни мужчины, отбывающие наказание в местах лишения свободы за вновь совершенное преступление, если оно было совершено вскоре после выхода на свободу и спустя длительный срок? 2) какие из показателей этих интегративных характеристик имеют тесные связи с временным интервалом между двумя судимостями?

Материалы и методы

Эмпирический материал собран с помощью психологов исправительных учреждений ФСИН и обработан на базе ФКУ НИИ ФСИН России. Выборку составили две группы осужденных: 70 мужчин, отбывающих наказание в местах лишения свободы по второй судимости, у которых интервал между двумя преступлениями составил от 2 месяцев до 1,5 лет (медиана — 1,2 года), и 70 мужчин, у которых он был длительным, — от 5 до 34 лет (медиана — 10 лет).

В I группе испытуемых вторую судимость по той же статье УК РФ, что и первую (ст. 158, 162, 166, 228), имел 21 человек (30,0%). Самая большая доля в ней пришлась на мужчин, впервые и вновь осужденных по статье 158 «Хищение чужого имущества», — 23 человека (32,9%). Средний срок наказания за первое преступление составил 3,1 года, за второе — 4,2 года. Страдали алкоголизмом 5 человек (7,1%), были закодированы («непьющие алкоголики») 18 человек (25,7%), не злоупотребляли алкоголем (имели «культуру питания») 47 человек (67,2%). Имели судимых родственников 18 человек (25,7%).

Во II группе испытуемых вторую судимость по той же статье УК РФ, что и первую (ст. 158, 166, 228), имели 11 человек (15,7%). Самую большую долю составляли мужчины, впервые осужденные по статье 158 «Хищение чужого имущества», — 19 чел. (27,1%), но второй раз — по статьям 105 УК РФ «Убийство» и 228 УК РФ «Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов». Средний срок наказания за первое преступление составлял 3,6 года, за второе — 6,9 года. Страдали алкоголизмом 6 человек (8,6%), были закодированы 9 чело-

век (12,9%), не злоупотребляли алкоголем 55 человек (78,5%). Имели судимых родственников 22 человека (31,4%).

Применялись три психодиагностические методики базы «Психометрик»: 1) комбинированная методика оценки делинквентности (КМОД); 2) многоуровневый опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина (МЛО); 3) тест «Смыслоразностные ориентации» Д.А. Леонтьева. Эмпирические данные подвергались математико-статистической обработке с использованием пакета MS Office Excel, IBM SPSS Statistics 23. Межгрупповые различия в показателях и их достоверность определялись по U-критерию Манна—Уитни, что объясняется особенностью выборок по показателям возраста. Корреляционный анализ выполнен по коэффициенту Пирсона и уточнен по коэффициенту ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и обсуждение

1. Результаты исследования делинквентности

Полученные данные представлены в табл. 1.

Данные, приведенные в табл. 1, свидетельствуют об умеренном общем уровне делинквентности испытуемых обеих группы и, скорее, о межгрупповом сходстве в показателях его структурных компонентов, чем об их различии.

Таблица 1

Показатели делинквентности мужчин с различными интервалами между судимостями

№ п/п	Исследуемые структурные компоненты делинквентности	Сравниваемые группы	
		Осужденные с коротким интервалом между двумя судимостями	Осужденные с длительным интервалом между двумя судимостями
		Показатели в станах от 1 до 10	
1	Социальная благожелательность ответов	6,2	5,7
2	Страх быть отвергнутым	5,5	5,3
3	Склонность к нарушению социальных норм	5,2	5,0
4	Лживость как личностное свойство	5,6	5,7
5	Волевая саморегуляция	3,2	3,4
6	Импульсивность в характере	5,5	5,4
Делинквентность (общий уровень)		5,2	5,1

Таблица 2

Процентное распределение мужчин с различными интервалами между судимостями по уровням общего уровня делинквентности

Сравниваемые группы	Общий уровень делинквентности					
	Высокий		Средний		Низкий	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
I группа — осужденные с коротким интервалом между двумя судимостями	13	18,6	49	70,0	8	11,4
II группа — осужденные с длинным интервалом между двумя судимостями	9	12,9	49	70,0	12	17,1

На следующем этапе исследования анализировалось процентное распределение мужчин обеих групп по уровням общего уровня делинквентности. Результаты этого анализа представлены в табл. 2. Данные, приведенные в табл. 2, позволяют заметить, что группа осужденных с коротким интервалом между судимостями включает большую долю мужчин с высоким общим уровнем делинквентности и меньшую — с низким.

2. Результаты исследования адаптивности (адаптивных способностей)

Полученные данные об особенностях адаптивности испытуемых обеих групп представлены в табл. 3.

Таблица 3

Показатели адаптивных способностей мужчин с различными интервалами между судимостями

№ п/п	Исследуемые адаптивные способности	Сравниваемые группы	
		Осужденные с коротким интервалом между двумя судимостями	Осужденные с длительным интервалом между двумя судимостями
Показатели в стенах от 1 до 10			
1	Поведенческая саморегуляция	1,1	1,2
2	Морально-нравственная нормативность	2,6	3,2
3	Коммуникативный потенциал	3,0	3,6
<i>Адаптивность (общий уровень)</i>		2,2	2,7

Данные, приведенные в табл. 3, показывают, что первоочередная психологическая проблема испытуемых обеих групп заключается в их низкой поведенческой саморегуляции.

В табл. 4 представлены результаты анализа процентного распределения этих мужчин по уровням адаптивных способностей.

Таблица 4

Процентное распределение мужчин с различными интервалами между судимостями по уровням адаптивных способностей

Сравниваемые группы	Общий уровень адаптивных способностей					
	Нормальный и высокий (5—10 стен)		Средний (удовлетворительный) (3—4 стена)		Низкий (1—2 стена)	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
I группа — осужденные с коротким интервалом между двумя судимостями	0	0,0	11	15,7	59	84,3
II группа — осужденные с длительным интервалом между двумя судимостями	3	4,3	36	51,4	31	44,3

Судя по данным, приведенным в табл. 4, группа с коротким интервалом между двумя судимостями преимущественно состоит из лиц, относящихся к так называемой «группе низкой адаптации», для представителей которой характерны акцентуации характера, психопатические черты, пограничная патология, нервно-психические срывы. Они нуждаются в наблюдении участкового полицейского, психолога и врача (невропатолога, психиатра), поскольку

эмоционально не уравновешенны и конфликтны. Мужчины этой группы с удовлетворительной адаптивностью (на их долю приходится около 16%) тоже являются акцентуированными личностями, однако в привычных условиях эта их уязвимость компенсируется и они могут быть адаптивными, хотя во многом их приспособленность будет зависеть от внешних факторов жизнедеятельности. Не обладая эмоциональной устойчивостью, они провоцируют конфликты и проявляют агрессию к окружающим, поэтому нуждаются в индивидуальном подходе в межличностном общении и взаимодействии, а также в социальном контроле.

3. Результаты исследования осмысленности жизни

Полученные данные об особенностях смысловых ориентаций и общем уровне осмысленности жизни испытуемых обеих групп сведены в табл. 5.

Таблица 5

Показатели структурных компонентов осмысленности жизни мужчин с различными интервалами между судимостями

№ п/п	Исследуемые структурные компоненты осмысленности жизни	Сравниваемые группы	
		Осужденные с коротким интервалом между двумя судимостями	Осужденные с длительным интервалом между двумя судимостями
		Показатели в стенах от 1 до 10	
1	Жизненные цели	7,4	6,7
2	Удовлетворенность результатом жизни	6,9	6,0
3	Интерес к жизненному процессу	6,4	6,2
4	Локус контроля — жизнь	6,2	6,2
5	Локус контроля — Я	4,8	4,3
<i>Осмысленность жизни (общий уровень)</i>		6,7	6,3

Судя по данным, приведенным в табл. 5, более высокие показатели осмысленности жизненных целей, результативности жизни, локуса контроля — Я» и общего уровня осмысленности жизни наблюдаются у мужчин с коротким интервалом между судимостями. Не исключено, что, выходя на свободу, отбыв наказание по первой судимости, они уже допускали или даже планировали совершение нового преступления.

Результаты анализа процентного распределения мужчин обеих групп по уровням осмысленности жизни представлены в табл. 6.

Таблица 6

Процентное распределение осужденных мужчин с различными интервалами между судимостями по уровням осмысленности жизни

Исследуемые группы	Уровни					
	Высокий		Средний		Низкий	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
I группа — осужденные с коротким интервалом между двумя судимостями	36	51,4	34	48,6	0	0,0
II группа — осужденные с длинным интервалом между двумя судимостями	17	24,3	51	72,9	2	2,8

Судя по данным, приведенным в табл. 6, в группе мужчин с коротким интервалом между двумя судимостями гораздо больше лиц с высоким и умеренным общим уровнем осмысленности жизни.

На очередном этапе обработки эмпирического материала данные, полученные на основе трех методик психодиагностики, были подвергнуты проверке на достоверность и значимость различий. В табл. 7 представлены только значимые межгрупповые различия.

Таблица 7

Значимые межгрупповые различия

№ п/п	Исследуемые характеристики личности	Сравниваемые группы		Достоверность и значимость различий	
		Осужденные с коротким интервалом между двумя судимостями	Осужденные с длительным интервалом между двумя судимостями	U	P
1	Поведенческая саморегуляция	1,1	1,2	2170,0	0,034*
2	Морально-нравственная нормативность	2,6	3,2	1920,0	0,023*
3	Коммуникативный потенциал	3,0	3,6	1546,0	0,000**
4	Адаптивность (общий уровень)	2,2	2,7	1586,0	0,000**
5	Жизненные цели	7,4	6,7	1884,0	0,018*
6	Удовлетворенность результатом жизни	6,9	6,0	1552,0	0,000**

Примечание: «*» — уровень значимости $p \leq 0,05$; «**» — уровень значимости $p \leq 0,01$.

В ходе корреляционного анализа данных в каждой группе устанавливались согласования показателей исследуемых личностных характеристик мужчин с показателями интервала между судимостями. Проанализируем выявленные корреляционные связи на уровнях значимости от $p \leq 0,05$ и выше. Тесные связи, выявленные в группе испытуемых с коротким интервалом, представлены в табл. 8.

Таблица 8

Тесные согласования показателей интервала между судимостями с показателями исследуемых личностных характеристик в группе мужчин с коротким интервалом

Что согласуется	С чем коррелирует	Коэффициент корреляции (r)
Интервал между I и II судимостями	Склонность к нарушению социальных норм	0,271*
	Импульсивность в характере	0,272*
	Морально-нравственная нормативность	-0,350**

Примечание: «*» — уровень значимости $p \leq 0,05$; «**» — уровень значимости $p \leq 0,01$.

Данные, приведенные в табл. 8, позволяют отметить корреляции показателей временного интервала между первой и второй судимостями на уровне значимости $p \leq 0,05$ с показателями склонности к нарушению социальных норм, а также импульсивности, а на уровне значимости $p \leq 0,01$ — с показателями морально-нравственной нормативности. Следовательно, в механике скорого рецидива правонарушений временной интервал между судимостями опре-

деляется, в первую очередь, морально-нравственной нормативностью, а также, хоть и в меньшей степени, импульсивностью характера и склонностью к нарушению социальных норм.

Тесные согласования, выявленные в группе испытуемых с длительным интервалом между двумя судимостями, представлены в табл. 9.

Таблица 9

Тесные согласования показателей интервала между судимостями с показателями исследуемых личностных характеристик в группе мужчин с длительным интервалом

Что согласуется	С чем коррелирует	Коэффициент корреляции (r)
Интервал между I и II судимостями	Лживость как личностное свойство	-0,361**
	Волевая саморегуляция	-0,262*
	Коммуникативный потенциал	-0,264*
	Локус контроля — жизнь	-0,246*

Примечание: «*» — уровень значимости $p \leq 0,05$; «**» — уровень значимости $p \leq 0,01$.

Табл. 9 отображает корреляции показателей временного интервала между двумя судимостями на уровне значимости $p \leq 0,05$ с показателями волевой саморегуляции, коммуникативного потенциала и смысло-жизненной ориентации «Локус контроля — жизнь», а на уровне значимости $p \leq 0,01$ — с показателем лживости как личностного свойства. Следовательно, в механике отсроченного рецидива преступления временной интервал между судимостями сочетается с неотъемлемой потребностью в обмане, лжи и приукрашивании, а также определяется низкой волевой саморегуляцией, недостаточным коммуникативным потенциалом и внешним локусом контроля собственной жизни.

Выводы

Мужчины, отбывающие наказание в местах лишения свободы по второй судимости, с коротким временным интервалом между двумя преступлениями/судимостями, характеризуются: низким уровнем адаптивных способностей (крайне низкими показателями поведенческой саморегуляции и низкими показателями морально-нравственной нормативности и коммуникативного потенциала); умеренными показателями делинквентности, за исключением волевой саморегуляции, уровень которой является низким; умеренным с тенденцией к высокому общим уровнем осмысленности жизни, в структуре которой доминирует высокоуровневый показатель осмысленности жизненных целей, а «отстает» «Локус контроля — Я», тяготеющий к области низких значений. Около 19% этой группы составляют мужчины с высоким общим уровнем делинквентности, 70% — с умеренным и около 11% — с низким.

Мужчины, отбывающие наказание в местах лишения свободы по второй судимости, с длительным временным интервалом между двумя преступлениями/судимостями, значительно не отличаются от мужчин первой группы ни по одному из семи параметров делинквентности; имеют такой же уровень ЛАП (низкий), однако достоверно более высокие показатели, как общего уровня адаптивных способностей, так и всех трех их компонентов — поведенческой саморегуляции, морально-нравственной нормативности и, особенно, коммуникативного потенциала. По общему уровню осмысленности жизни мужчины этой группы тоже сходны с мужчинами первой группы (где он умеренный), но у них достоверно ниже осмысленность жизненных целей и, особенно, результатов жизни. Около 13% этой группы составляют муж-

чины с высоким общим уровнем делинквентности, 70% — с умеренным и около 17% — с низким.

Осужденные мужчины с коротким и длительным временным интервалом между I и II судимостями достоверно значимо различаются по таким личностным характеристикам, как: поведенческая саморегуляция, морально-нравственная нормативность, коммуникативный потенциал, общий уровень адаптивности — они достоверно более развиты у мужчин с длительным интервалом между двумя судимостями. Группы также достоверно различаются по осмысленности целей жизни и результативности жизни, но показатели этих характеристик достоверно выше у мужчин с коротким интервалом между преступлениями.

Таким образом, получен следующий ответ на первый исследовательский вопрос: мужчины, отбывающие наказание в местах лишения свободы за вновь совершенное преступление, если оно было совершено вскоре после выхода на свободу и спустя длительное время после освобождения, не различаются по показателям делинквентности, но имеют достоверно значимые различия по личностному адаптивному потенциалу, а также по осмысленности жизненных целей и результатов жизни.

Ответ на второй вопрос оказался таким: исследуемые группы различны по характеру связей между показателями временного интервала между двумя судимостями и исследуемых личностных характеристик. Если в группе мужчин с коротким интервалом он согласуется с показателями и морально-нравственной нормативности и, в меньшей степени, склонности к нарушению социальных норм, импульсивности, при этом не имеет согласований с показателями осмысленности жизни, то в группе мужчин с длительным интервалом он коррелирует с показателями двух структурных компонентов делинквентности — лживости и, в меньшей степени, волевой саморегуляции, адаптивной способности «Коммуникативный потенциал» и смысловизненной ориентации «Локус контроля — жизнь». То есть сравниваемые группы явно специфичны, и эта специфика требует учета не только психологами и другими сотрудниками исправительных учреждений, но и работниками служб пробации, системы социальной защиты населения, участковыми полицейскими.

В целом, полученные результаты обогащают пенитенциарную психологию в части «психология личности преступника-рецидивиста», поскольку объясняют психологические механизмы скорой и отсроченной рецидивной преступности. Они могут найти практическое применение в деятельности психологов уголовно-исполнительной системы, быть учтенными в программах подготовки осужденных к постпенитенциарной ресоциализации.

Хотя ответы на поставленные вопросы удалось найти, тем не менее тема не может считаться исчерпанной: во-первых, выборка исследования может быть увеличена, что позволит уточнить приведенные в статье данные; во-вторых, есть смысл продолжить ее разработку с учетом фактора пола; в-третьих, представляется перспективным расширение перечня изучаемых характеристик, например изучить связь временного интервала между двумя судимостями с жизнеспособностью, социальной тревогой, просоциальной активностью и др.

Литература

1. Антоян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2014. 41 с.
2. Антоян Ю.М., Эминов В.Э. Портреты преступников: криминологический психологический анализ: Монография. М.: ИНФРА-М, 2019. 240 с.

Цветкова Н.А.
Личностные характеристики вновь осужденных
к лишению свободы мужчин, связанные с временным
интервалом между двумя судимостями
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 94–106

Tsvetkova N.A.
Personal Characteristics of Men Newly Sentenced
to Imprisonment Related to the Time Interval
between Two Convictions
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 94–106

3. Булыгина В.Г., Дубровинский А.В., Белякова М.Ю., Лысенко Н.Е. Психологические предикаты интервала рецидивности // Прикладная юридическая психология. 2016. № 1 (34). С. 44–52.
4. Варыгин А.Н. Личность современного преступника: изменения, изучение и понимание [Электронный ресурс] // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Том 14. № 2 (52). С. 51–56. doi:10.37973/KUI.2023.48.85.007
5. Коломытцев Н.А., Одинцова Л.Н. Проблемы противодействия рецидивной преступности в современной России // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 4 (65). С. 48–53.
6. Коноплева И.Н., Князева С.О., Дебольский М.Г., Красненкова С.А. Особенности саморегуляции у осужденных, совершивших преступления при рецидиве [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 27–41. doi:10.17759/psylaw.2022120203
7. Кулакова С.В., Цветкова Н.А. Научное обеспечение служебной деятельности психологов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: Монография. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2023. 404 с.
8. Личность преступника и профилактика преступлений: Монография / Под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Проспект, 2020. 224 с.
9. Мухина В.С. Психология пожизненно осужденных: метаморфозы внутренней позиции личности // Развитие личности. 2015. № 3. С. 213–224.
10. Номоконов В.А. Возвращение личностного подхода необходимо // Личность преступника и ее криминологическое изучение / Под ред. А.И. Долговой. М.: РКА, 2018. С. 21–29.
11. Поздняков Ю.А., Пасынков В.В. Современное состояние рецидивной преступности в России [Электронный ресурс] // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 10-3 (73). С. 158–161. doi:10.24412/2500-1000-2022-10-3-158-161
12. Разумова Е.М. Психологические особенности личности преступников-рецидивистов: Дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2007. 195 с.
13. Сечко А.В. Психологические факторы рецидивизма и его профилактики (по материалам зарубежных исследований) [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 1. С. 85–93. doi:10.17759/jmfp.2020090109
14. Тут А.А. Развитие криминологической мысли о личности преступника за рубежом // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина. 2022. № 3. С. 88–93.
15. Цветкова Н.А., Дурова Е.А. Средовые и личностные факторы срыва постпенитенциарной ресоциализации мужчин, отбывающих наказания в исправительном учреждении по второй судимости // Прикладная юридическая психология. 2017. № 1 (38). С. 62–69.
16. Koschmann M.A., Peterson B.L. Rethinking Recidivism: A Communication Approach to Prisoner Reentry // Journal of Applied Social Science. 2013. Vol. 7(2). P. 188–207. doi:10.1177/1936724412467021
17. Link N., Hamilton L. The Reciprocal Lagged Effects of Substance Use and Recidivism in a Prisoner Reentry Context // Health and Justice. 2017. Vol. 5(1). doi:10.1186/s40352-017-0053-2
18. Sherretts N., Boduszek D., Debowska A., Willmott D. Comparison of murderers with recidivists and first time incarcerated offenders from U.S. prisons on psychopathy and identity as a criminal: An exploratory analysis // Journal of Criminal Justice. 2017. Vol. 51(2). P. 89–92. doi:10.1016/j.jcrimjus.2017.03.002

Цветкова Н.А.
Личностные характеристики вновь осужденных
к лишению свободы мужчин, связанные с временным
интервалом между двумя судимостями
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 94–106

Tsvetkova N.A.
Personal Characteristics of Men Newly Sentenced
to Imprisonment Related to the Time Interval
between Two Convictions
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 94–106

19. Uggen C. Ex-offenders and the conformist alternative: a job quality model of work and crime // *Social Problems*. 1999. Vol. 46(1). P. 127–151. doi:10.2307/309716525
20. Western B., Braga A.A., Davis J., Sirois C. Stress and Hardship After Prison // *American Journal of Sociology*. 2015. Vol. 120(5). P. 1512–1547. doi:10.1086/681301
21. Workman K. The social integration of Māori prisoners // *Aotearoa New Zealand Social Work*. 2016. Vol. 26(1). P. 39–46. doi:10.11157/anzswj-vol26iss1id53

References

1. Antonyan E.A. Lichnost' retsdivista: kriminologicheskoe i ugovolno-ispolnitel'noe issledovanie: Avtoref. diss. dokt. jurid. nauk. Moscow, 2014. 41 p. (In Russ.).
2. Antonyan Yu.M., Eminov V.E. Portrety prestupnikov: kriminologo-psikhologicheskii analiz: Monografiya. Moscow: INFRA-M, 2019. 240 p. (In Russ.).
3. Bulygina V.G., Dubrovinsky A.V., Belyakova M.Yu., Lysenko N.E. Psikhologicheskie predikaty intervala retsdivnosti [Psychological predictors of “recidivism interval”]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2016, no. 1 (34), pp. 44–52. (In Russ.).
4. Varygin A.N. Lichnost' sovremennogo prestupnika: izmeneniya, izuchenie i ponimanie [Criminal Personality Nowadays: Change, Study and Understanding] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2023. Vol. 14, no. 2 (52), pp. 51–56. doi:10.37973/KUI.2023.48.85.007 (In Russ.).
5. Kolomytsev N.A., Odintsova L.N. Problemy protivodeistviya retsdivnoi prestupnosti v sovremennoi Rossii [Problems of combating recidivism in modern Russia]. *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta = Vestnik Vladimirskego Yuridicheskogo Instituta*, 2022, no. 4 (65), pp. 48–53. (In Russ.).
6. Konopleva I.N., Knyazeva S.O., Debolsky M.G., Krasnenkova S.A. Osobennosti samoregulyatsii u osuzhdennykh, sovershivshikh prestupleniya pri retsdivide [Self-Regulation of Convicts Who Have Committed Repeated Crimes] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 27–41. doi:10.17759/psylaw.2022120203 (In Russ.).
7. Kulakova S.V., Tsvetkova N.A. Nauchnoe obespechenie sluzhebnoi deyatelnosti psikhologov ugovolno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii: Monografiya. Moscow: FKU NII FSIN Rossii Publ., 2023. 404 p. (In Russ.).
8. Antonyan Yu.M. (Ed.). Lichnost' prestupnika i profilaktika prestuplenii: Monografiya. Moscow: Prospekt, 2020. 224 p. (In Russ.).
9. Mukhina V.S. Psikhologiya pozhiznenno osuzhdennykh: metamorfozy vnutrennei pozitsii lichnosti [Psychology of life convicted: metamorphoses of person's inner position]. *Razvitie lichnosti = Development of Personality*, 2015, no. 3, pp. 213–224. (In Russ.).
10. Nomokonov V.A. Vozvrashchenie lichnostnogo podkhoda neobkhodimo. In Dolgova A.I. (Ed.). *Lichnost' prestupnika i ee kriminologicheskoe izuchenie*. Moscow: RKA Publ., 2018, pp. 21–29. (In Russ.).
11. Pozdnyakov Yu.A., Pasyukov V.V. Sovremennoe sostoyanie retsdivnoi prestupnosti v Rossii [The current state of recurrent crime in Russia] [Elektronnyi resurs]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2022, no. 10-3 (73), pp. 158–161. doi:10.24412/2500-1000-2022-10-3-158-161 (In Russ.).
12. Razumova E.M. Psikhologicheskie osobennosti lichnosti prestupnikov-retsdivistov: Diss. kand. psikhol. nauk. Saint Petersburg, 2007. 195 p. (In Russ.).

Цветкова Н.А.
Личностные характеристики вновь осужденных
к лишению свободы мужчин, связанные с временным
интервалом между двумя судимостями
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 94–106

Tsvetkova N.A.
Personal Characteristics of Men Newly Sentenced
to Imprisonment Related to the Time Interval
between Two Convictions
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 94–106

13. Sechko A.V. Psikhologicheskie faktory retsidivizma i ego profilaktiki (po materialam zarubezhnykh issledovaniy) [Psychological conditions for the prevention of recidivism] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2020. Vol. 9, no. 1, pp. 85–93. doi:10.17759/jmfp.2020090109 (In Russ.).
14. Tit A.A. Razvitie kriminologicheskoi mysli o lichnosti prestupnika za rubezhom [The development of criminological thought about the identity of a criminal abroad]. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii im. I.D. Putilina = Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*, 2022, no. 3, pp. 88–93. (In Russ.).
15. Tsvetkova N.A., Durova E.A. Sredovye i lichnostnye faktory sryva postpenitentsiarnoi resotsializatsii muzhchin, otbyvayushchikh nakazaniya v ispravitel'nom uchrezhdenii po vtoroi sudimosti [Environmental and personal factors of breakdown of post-penitentiary re-socialization of serving second conviction]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2017, no. 1 (38), pp. 62–69. (In Russ.).
16. Koschmann M.A., Peterson B.L. Rethinking Recidivism: A Communication Approach to Prisoner Reentry. *Journal of Applied Social Science*, 2013. Vol. 7, no. 2, pp. 188–207. doi:10.1177/1936724412467021
17. Link N., Hamilton L. The Reciprocal Lagged Effects of Substance Use and Recidivism in a Prisoner Reentry Context. *Health and Justice*, 2017. Vol. 5, no. 1. doi:10.1186/s40352-017-0053-2
18. Sherretts N., Boduszek D., Debowska A., Willmott D. Comparison of murderers with recidivists and first time incarcerated offenders from U.S. prisons on psychopathy and identity as a criminal: An exploratory analysis. *Journal of Criminal Justice*, 2017. Vol. 51, no. 2, pp. 89–92. doi:10.1016/j.jcrimjus.2017.03.002
19. Uggen C. Ex-offenders and the conformist alternative: a job quality model of work and crime. *Social Problems*, 1999. Vol. 46, no. 1, pp. 127–151. doi:10.2307/309716525
20. Western B., Braga A.A., Davis J., Sirois C. Stress and Hardship After Prison. *American Journal of Sociology*, 2015. Vol. 120, no. 5, pp. 1512–1547. doi:10.1086/681301
21. Workman K. The social integration of Māori prisoners. *Aotearoa New Zealand Social Work*, 2016. Vol. 26, no. 1, pp. 39–46. doi:10.11157/anzswj-vol26iss1id53

Информация об авторах

Цветкова Надежда Александровна, доктор психологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0967-205X>, e-mail: tsvetkovana@yandex.ru

Information about the authors

Nadezhda A. Tsvetkova, Doctor of Psychology, Docent, Chief Researcher, Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0967-205X>; e-mail: tsvetkovana@yandex.ru

Получена 22.01.2024
Принята в печать 27.05.2024

Received 22.01.2024
Accepted 27.05.2024